

«... Господи! Хлеб! — Коля Рыльин хватал пальцами, мила вытрезившиеся колоски, сдвигаясь на ладони, пытаясь поймать в них хоть зернышко, но море было не только беззвучно, оно было пустое, без зерен, без жизни, оно отшумело, отголосилось, перешло и осыпалось — все мое свой срок и всякому делу пол небеса, время не только собирать, а разбрасывать, казнил, но в время сеять и собирать зерна!»

Коля Рыльин впадал, углубляясь и углубляясь в спутанную гущу пустых жестких хлебов, быть может, впервые ощутив до самого края, до самой глубины всю гибельность того, что зовется войной.

В. АСТАФЬЕВ.
«Прокляты и убиты». — «Новый мир», № 10—12, 1992 г.

— Очень важную вещь хотелось вам сказать, Виктор Петрович. Вот вы есть, вы пишете — от этого в душе многих читателей такая-то крепость еще остается. Знание того, что вы сидите тут затворником и пишете, — это как-то согревает и дарит пусть каким-то дальним, но все же уютом...

— В этом есть судьба: когда я работал над романом, меня никто не беспокоил ни на газет, ни из журналов, ни с телевидения... И я, зная, что эта пережитая времена, казал себе — давай, пиши! И накопилось 650 страниц!

«...Была такая редкая секта старообрядцев, так называемые оконники. Они ставили в тайге избы обязательно окнами на солнце. У них в одной заповеди говорится: «Все, кто свет на земле смугу, братоубийство и смерть, сами будут Богом прокляты и убиты». Отсюда и название романа...

Только что Мария Семенова отпечатала мне черновой вариант второй книги. Очень важно было ослепить именно ее. Третья — уже под гору, там, как и прежде, И я грешил у меня все-таки есть набросок, не так, как во второй. С ней Мария мучалась: «Никогда я еще у тебя такой рукописи не видела!» И так-то пишу, как курица лапой, а тут еще раза три-четыре по рукописи правил.

— В романе вам, похоже, жалче всего Колю Рыльина? — К счастью, он останется жив, пройдя все муки ада. Во второй книге он наступает на мину противопехотную — ногу долой! Он будет в третьей книге, как маяк, как спасение для заплывших моих героев. Я вначале решил их всех утробить. Но в конце решил надежду оставить... Хотя маленькую.

— Для кого вы эту книгу пишете? — Для себя. Про роман этот не я решил. Это Господь решил.

Помню, еще в Вологде было дело, как-то и пришел на кухню и дочке с Марьей прочитал рассказик, только что сочиненный, светлый такой. Я их вообще-то в свои дела не посвящал, они не знали, что я там сочиняю, стеснялся. Прочитал. Дочь и говорит: «Вы бы ты, папа, детским писателем, тебе бы хорошо было, нам бы хорошо было, никто бы не мучился, пензура бы тебя не допекала...» А я ей — Николая Михайловича — нашего соседа Рубцова: «О чем писать, на то не наша воля!» Не моя, говорю, воля. А папа, дочка, я начался. А папа, дочка, я начался. А папа, дочка, я начался.

«Ой, папа, куда тебя увело-то от «Парыбы» и от «Поклона»! А я в ответ: «Что же я должен держать все это вот тут, в душе, как изюгу? У меня ж тут все согрето!»

— Вы верили в Бога с детства? — Ребенком я был крещен. Бабушкой кое-чему обучен. Я знаю, что там что-то есть. Ощущаю какую-то высшую силу. Но в нашей жизни кого-то «да» — нет, — черное-белое, это как-то чересчур прямолинейно. Категоричным можно быть по каким-то определенным явлениям жизни. И поэтому: вера — не вера...

Не раз я у Господа просил на фронте молитвы и прощения. Через Дмитрия когда переживались, мы почувствовали, что нас там жлет, вижу — у всех на нитках кресты висят. Кресты, примитивно выраженные ножики, — сами делали из консервных банок. И у тех, кого только что тут же приняли в партию. Заявление, отпечатанное на машинке под копирку, уже заранее заготовленное, только ставь закорючку, переправлялся на ту сторону, и уже есть у комиссара отчет, что в первых рядах было коммунистов столько-то человек. Гибнут, так сказать, коммунисты — лучшие люди страны! Помню, убавка одного при мне в партию принимали: он ничего так и не появлялся, за что расписался. Только спросил: «Семье помогу?». Отвечают: «Помогу, помогу!» Подписывай, давай!

Позже крестики научились из пуль выплавлять. Вросят пару горстей пуль в котелок, поставят на костер, а земле сделают формы и заливают их свинцом.

— Это как-то скрытно делалось? — На передовой-то особенно не скрывались. Если дватри стучака есть — их все знают.

Нельзя сказать, что все на передовой молились. Во-первых, это трудно увидеть. Многие, вроде меня, стеснялись. Как стеснялись признаться в любви, нежные слова сказать. Так мы были воспитаны. Только старожилы никого не стеснялись. На них рукой сразу махнули: работай, на себе тапай все — пусть молятся. На войне главное копать, тащить, а стрелять — потом.

Когда случалось оказывать непоколебимую от церкви, ребята ходили туда молиться, я знаю. Но я — нет. Молода была, глуп. А в память врезалось, как мы со Славой Шадриновым — царство ему небесное — в Польше из любопытства зашли в костел. И глазевое, значит. Там орган играет, люди молятся. И вдруг слышишь: «Синий сапелко, было!» Вух, и какой-то поплак шибко с меня и со Славой пилотки. У меня — карабин, у него — автомат: могли запросто застрелить обидчика. А мы тихонечко побродили пилотки с пола и — ходу из этого костела. Чували что-то высшее, хоть и не приучены к этому делу были.

Как-то в Париже Кирилл Привалов, журналист, свез меня на могилу Бунина. Я какие-то цветочки купил, поцеловал бунинский шершавый крест, почти лютеранский, и говорю: «Кирилл, а меня ведь интересует еще одна могила...» — «Какая?» — «Вики Оболенской, княгини...» Вот выдумал я с детства женщину, так сказать, в образе... Ну Господь сподобил, надо же лапотнику в Сибири выдумать себе паричу... Вот хочу побывать на ее могиле. Кирилл говорит: «Этого невозможно, она была из Сопротивления, а их хоронили обычно в братских могилах и на другом конце кладбища. А у тебя, вижу, ноги уже не ходят». Ну ладно, что ж делать. Тогда я маленько, говорю, пока силы у меня есть, еще здесь посижу, а ты сходи, проведи Петруху, сынишка у него болен. Я сижу на скамейке, передо мной ограда из гипса, какая-то грубоватая. Все бледно, убого, плоско, а по всему бордюру этой ограды вот такие вот плиточки вставлены, фото — текст, фото — текст. Примерно так, говорил мне Кирилл, хоронили Сопротивление. Смотрю влево, направо, читаю фамилии, гляжу — женщины знакомы. Ну я видел всегда ее фотографии: французские, накрашенные, значит, макишом, как это сейчас называется, а тут — на пробор зачесанная, очень красивая женщина. Чего-то как стукнуло — ну ж, тайная любовь у всех мужиков есть... И читаю: «Оболенская», та самая. Написано по-французски, потом по-русски. Вера Аполлоновна, она, по-моему. Вот сижу, смотрю на нее. Хорошо сфотографирована. И Кирилл бежит: «Все в порядке, Виктор Петрович! Петруха спит, лучше уже, температура нет...» Я говорю: «Кирилл, Бог есть?» — Он, как все интеллигентны: ну, в общем, конечно, какие-то силы есть... Ненавижу эту демагогию во всех нас. Ну есть так есть. А нет — так нет. Так и говори: не понимаю, не знаю. Нас отучили говорить «не знаю».

Что в этом позорного? Ну не знаю — не знаю, постарайся узнать, если тебе жизнь жалит. Да, я говорю, Кирилл, не спрашивай, я утверждаю, что он есть. Смотрю вас, смотрю, ага? Я ведь сижу, где ты меня оставил. Ну, говорю, мистика. Нет, говорю, никакая не мистика. Это все модные слова. «Виктор Петрович, поехали домой...» «Конечно, теперь поехали...» Едем, рулит, на меня посмотрит, сонно рулит... Совпадения у меня таких в жизни, когда Господь помогает, начиная от фронта и до сих пор, — ой, много...

— А где вы увидели первый раз фотография Оболенской? — В газетах каких-то. При Брежнев в 69 м году ее наградили посмертно орденом Отечественной войны. Хватились тогда. Но она ведь дитя, она России не видела в глаза, она дитя родителей, которые уехали из России. Родилась в России, молочная была и вот под гильотину легла, никого не выдала, вела себя, говоря, с вызовом, гордо. Ты же видишь... Или вот приходишь вдруг почтой книжка — «Скрытая правда войны: 1941 год» — та, что мне нужна, поделу мне человека или материал, вот именно сейчас необходимый. Все-все получаю, что надо, и я думаю: значит, я занимаюсь богоугодным делом.

«ЧТО ЗА ЛЮБОВЬ ТАКАЯ СТРАННАЯ!» — Так получалось, что вы этот роман писали от войны до войны. От той, Великой Отечественной, и до нынешней, тлеющей по границам России... — Задача у меня одна: отучить от войны. Сколько уж веков убит на историю, а человек все воюет и воюет, никак не поймет, что нынче он в последний раз будет воевать. Полно ведь опять появились хотеть кресты копировать. Вот депутат — мой одноклассник, призывает к оружию, он ведь... не понимает, что такое оружие. Тут локальные конфликты по телевизору показывают: так иди огромный, я же вижу, стовалдлати, а то и стоятдесятимиллиметровые орудия, башня крутится, лупит из пушки. По деревне лупит.

Вон у нас под бокком комбинат — равняет, все на воздух взлетит. В Томске чудом этого Чернобыля не случилось. А нас успокаивают: и облако не такое, и летит не к нам, полезное даже...

Если коммунисты сейчас захватят власть, они тут же начнут гражданскую войну. Они за восстановление Союза, а это сейчас невозможно. Раз не что Таджикистан разбитый-разбитый, к нам присоединится добровольно, остальные — нет. Украина, Беларусь, Казахстан уж точно не присоединятся. Во всяком случае в этом веке. Потом, может быть, горе заставит, а сейчас...

— Сейчас многим кажется, что вы виноваты в долготерпении, том самом, которое так дорого было нашим классикам XIX века... — Господи, тургеневские мужичики... Это смирение христианское. А не наше долготерпение трусов. В моем романе эти тыловые морды за какое-то неповиновение выстраивают фронтовики и фронтовики же заставляют их расстреливать. Тех, с кем вместе воевали. Так было. А это уже не человеческое долготерпение, оно переродилось в стадное долготерпение. В скотское. Уже это нелюдь.

— Как можно все-таки и не терпеть, и не бунтовать? — Для этого надо быть немножко грамотным, развитым, а не туземным народом. Пенить свое собственное достоинство. А мы его совсем не ценим.

У меня есть сцена в романе, во второй книге. Тот парень, что в первой попадает под суд, после штрафбата сменил фамилию и прекрасно себя чувствует. Все в окопах гниют,дохнут, а он адаптировался. Ходит по ночам к немцам, тырят у них еду, пьет, немцам и в голову не приходит, что это вор. Они думают, что это разведка. Противник ходит к противнику не воевать, а воровать! Так на самом деле было. Смотришь, какой-нибудь дурак с немцами раннее разгуливает, сходил ночью на ту сторону, спер. Мы еще и не наступали, а он уж там по-бывал.

— И грехи наши, в долготерпении все-таки не от других как таковых, а оттого, что нас все время к этому припирало, к краю пропасти, а крутилось надо как-то... — Так вот, на Мезени, в Архангельской области приезжал комиссар по проценту кулаков возрост. А какие там кулаки? У них земля-то там — одна камин да болота. Они вечно живут ручейской, которая течет рядом с деревней. Рыбу едят да картошечку, какую меж камней накопает. Все, что получше, уже раскулачили, а комиссарские гонимы: «Мне какое дело! У меня процент не выполню, меня к стенке поставят. Но я прежде всех вас постреляю!» Подал ему кулака, и все! Вот идут мужики к боксому крестьянину Жерякову: «Раскулачивайся, у тебя только кулаки или трое детей, а у нас — по пятеро, по семеро...» Он соглашается пострадать за народ, и вот его начинают выселять. А народ этот по наущению комиссара камнями выселенных бьет: «Кулачье проклятое!»

Едут «кулаки» по дороге, мальчишка у них прикрутил, они его и спихнули с сапеей. Он проснулся, бежать по следу, да сани уже далеко. Бросил. Он гнался за ними, орет! А бабушка с дедушкой слышат да шепчут: «Оставь нас с Богом, оставь нас с Богом...» Умный же народ, поддался так, чтобы поближе было торфозаготовительный участок, не в тайге просто бросили. Так они и уехали в неизвестность на веки вечные, а он приблизился к бригаде, начал торф возить. Два года порабатал, посмотрел, что тот, кто работает, тот не ест, а кто не работает — блажен, а кто в карты играет, бабы у них визжат, гитара звенит... Вот и стал он кем стал. Все ему равно: что наш едок, что немес. Нож самодельный носил всю дорогу — носок косы. Как даст в бок и сразу намерзет порет. Так вот в романе он заперет того, который его судил, в штрафную спровадил. Много лет спустя он найдет его, тот будет умолять о пощаде, а он ему: «Нельзя же тебе жалеть. Был всю жизнь убийцей, убиваешь, надо и вас наказать...» Я не просто тебя запорю. Я еще и записочку оставлю, что взял сопобизательства еще в сорок втором году в бердском 21-м полку тебя порешить. Чтб звали, суки, — их кара тоже ждет!

— Сейчас многим кажется, что вы виноваты в долготерпении, том самом, которое так дорого было нашим классикам XIX века... — Господи, тургеневские мужичики... Это смирение христианское. А не наше долготерпение трусов. В моем романе эти тыловые морды за какое-то неповиновение выстраивают фронтовики и фронтовики же заставляют их расстреливать. Тех, с кем вместе воевали. Так было. А это уже не человеческое долготерпение, оно переродилось в стадное долготерпение. В скотское. Уже это нелюдь.

— Как можно все-таки и не терпеть, и не бунтовать? — Для этого надо быть немножко грамотным, развитым, а не туземным народом. Пенить свое собственное достоинство. А мы его совсем не ценим. У меня есть сцена в романе, во второй книге. Тот парень, что в первой попадает под суд, после штрафбата сменил фамилию и прекрасно себя чувствует. Все в окопах гниют,дохнут, а он адаптировался. Ходит по ночам к немцам, тырят у них еду, пьет, немцам и в голову не приходит, что это вор. Они думают, что это разведка. Противник ходит к противнику не воевать, а воровать! Так на самом деле было. Смотришь, какой-нибудь дурак с немцами раннее разгуливает, сходил ночью на ту сторону, спер. Мы еще и не наступали, а он уж там по-бывал.

Народ наш, с одной стороны, дубак дубаком, дурак дураком, вон какой у нас был Иванушка-дурачок... А обалдел само паря... С другой стороны — такое беспредельное долготерпение, доверие... Мне страшно сказать, но мы недоразвитый народ. Мы все время прикрывались — народ большой, способный выродить гения, одного-двух в столетие. Но, как сказал, по-моему, Вяземский, с рождением Пушкина Россия息止лась.

Мы отсталый по своей меллнотдумующей, меллнноходящей сути народ, у нас меллнно течет кровь, только уж когда взвинтит: революция, хулиганством, смертью, угрозами, тогда из нас долучается псих. Не испанец темпераментный, а псих. Мы не готовы к переворотам, тем более к таким крупным поворотам в судьбе. И все, что у нас было размеренное, меллнно текущее, меллннопроходящее, — судороги эти нас смолотили. Началось это еще в 1905 году. И мы не выдержали. Этот век смолот нас как напал. — Переговоры между чем и чем не стало? — Между временем. Надо было дойти до переговоров, постоять, потоптаться около него, осознать, что мы, мы, мы. Философски осознать. Себя понять. Мы же сами себя не понимаем. Нас все тропят. Не дают времени на осмысление. И говорят при этом: «Ты хороший, умный народ, давай, шуруй вперед, ты все выдержал и выдержишь» и шуру, лсую грубую дорогу проложу себе... А дальше — «...жал ты только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе!» Как нам внушают? Столкнувшись провозгласить какие-нибудь сторонние силы: спяночные, еще какие-то организованные силы этим занимаются. Нет. Происходит все стихийно, инстинктивно. Конечно, подсобляют нам выбрать ту тропу. Большой народ всегда кому-нибудь мешает.

В нескольких странах одновременно вышла книга «Горячие точки России» политолога Началась. Он показывает, что радикальная децентрализация — единственное спасение России, а причина всех бед — московский империализм...

И сопротивляются раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут креститься, троескратно целоваться, причисляя себе специальные заветы, сядут за круглым столом и будут демострировать, кто как знает богословие, рассказывать, кто сколько раз был в Донском монастыре, кто рядом с Патриархом постоял... Будут об этом толковать. Это называется возрождение!

«МЫ ХВАТИЛИ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ НЕ ПЛАКАТЬ...» — В семидесятые годы вы вдруг заговорили о жалости, когда вроде все жили еще

и сопротивлялись раздате земли, и «патриоты» туда же. Россия, Россия — в каждой строке, а на деле... Клякше-ство самое настоящее. Волода Крупин: «Вот нас любят, потому наказывают!» Да сколько ж нас можно любить и наказывать! Чтб за любовь такая странная! Вот они сейчас в очередей раз соберутся. Будут